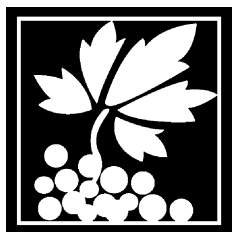

Роман Багдасаров

ТВОРЦЫ Священной истории

Москва
«Вече»
2010

УДК 29+94(3)
ББК 86.4
Б14

Багдасаров, Р.В.

Б14 Творцы Священной истории / Роман Багдасаров. — М.: Вече, 2010. — 464 с. — (Сакральная история).

ISBN 978-5-9533-4837-9

Адам, Ева, Ной, Иисус, Мария, Пётр и Павел, Моисей, Николай Чудотворец, Георгий Победоносец... Это те, кто активно участвует в ходе истории, осмысленно задаёт и меняет векторы развития человечества. Автор предлагает новый и, одновременно, органично вырастающий из религиозной традиции взгляд на персон Священной истории. Для этого используются библеистика, археология, культурная антропология, биология, искусствоведение и лингвистика.

УДК 29+94(3)
ББК 86.4

ISBN 978-5-9533-4837-9

© Багдасаров Р.В., 2010
© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

От автора

Сегодня бытие исторических деятелей сводят к их личной жизни, изымая оттуда идейные мотивы, или же рисуют эти мотивы производными от особенностей психики, некими эксцессами, присущими сильной личности. Привилегия быть сознательными творцами истории, теми, кто активно участвует в её ходе, осмысленно задает и меняет векторы развития человечества, оставлена исключительно вымышленным персонажам — героям фильмов и книг. Нас будто уверяют, что мир идеального соединяется с повседневностью только через субъективные ощущения. Они же не более реальны, чем впечатления от искусства, а, значит, могут быть в любой момент подвергнуты сомнению.

Нельзя не заметить антагонизм этой установки традиции почитания святых, на которой зиждилась цивилизация Средневековья. Верность святых высшим ценностям служила источником сил как для отдельной личности, так и для общества в целом. Но, даже сохранившись в Церкви, культ святых испытывает глубокий кризис.

И не потому, что в храмах перестали возглашать их имена, — потеряно место священных персон в общечеловеческой истории, их культурная значимость. Обыватель справедливо сомневается в спекуляциях на тему святости, когда проповедники не могут расшифровать её на языке современных понятий, вместо этого поучая аудиторию на тему «духовности-морали-любви». Как жития святых соединяются с жизнью каждого из нас, никто из подобных «миссионеров» рассказывать не собирается — скорее мы услышим от них свежий анекдот.

Святость нуждается в срочном переводе на язык актуальных смыслов, иначе она неизбежно будет иска-

жена. При этом популяризация *отдельных* святых, которая принимается, порождает перекосы восприятия. Скажем, главным деянием св. Сергия Радонежского по привычке считают его благословение князю Димитрию Донскому на участие в Куликовской битве. А ведь эта сцена вполне могла не иметь места*. Подлинной же заслугой Сергия стало возрождение общежительного монашества, благодаря чему поднялась новая волна строительства монастырей и, как следствие, освоен Русский Север. Правда, этого не объяснишь при помощи скороделов, которыми пропаганда стремится заполнить дефицит общественного сознания.

Что же касается священной истории, берущей начало в Библии, то её, вообще, можно актуализировать лишь *целиком*. Значение событий, связанных с праотцами Адамом, Енохом, Ноем, не получится постичь вне перспективы, соединяющей их с пророками и евангельским кругом, новозаветными подвижниками. И наоборот.

В этой книге я пробую воссоздать сакральную летопись через области современного знания шаг за шагом. Она складывалась в течение четверти века из исследований, наблюдений, рассуждений и гипотез, которые были адресованы прежде всего самому себе. В процессе работы я убедился, как бесконечно далёк от какой бы то ни было объективности. Параллельно крепла уверенность, что «конструктор» священной истории собирался и разбирался многократно, и данная операция предусмотрена его Инженерами.

Внимательно сопоставляя дошедшие до нас источники, обнаруживаешь артефакты, как правило, опровергающие стереотипный взгляд на большинство сакральных персон. Иисус не был «просто плотником», апостолы — голодранцами, а Магдалина — развратницей. Ева вообще не человек, да и первым мужчиной (не путать с самцом) стал не Адам, а Каин. Хам являлся любимцем отца, и потому наш долг реабилитировать его. А вот Иуда и впрямь оказался предателем... но не изменником! Это разные вещи. Заратуштра и Александр Македонский почитались христианами как пророки древности. Чтобы восстановить облик Царицы Савской, Библии мало — следует обратиться к Корану. Фильм

* По крайней мере в том виде, как это обычно представляют. См. ниже очерк «Чудотворец», § 3.

Тарковского об Андрее Рублёве — тяжкий бред, и только симпатия к этому кинохудожнику удерживает автора от более резких выражений. Один из наиважнейших подвигов Серафима Саровского — его революционно-феминистические взгляды. Русский культ Николая Чудотворца — не просто «народное православие», он напрямую связан со Школой Христа. Змей на иконе Святого Георгия действительно существовал, но не в образе лохнесского реликта, а как нечто способное поглотить человеческий организм без остатка.

Черты святых обновляются, меняется их конфигурация в коллективной памяти. Но сама структура священного персоналитета, деисус, иконостас остаются незыблемыми. Вероятно, поэтому житийный «апгрейд» оказался востребован художником Константином Худяковым и коллекционером искусства Виктором Бондаренко. Возник уникальный синтетический проект «deisis/Предстояние»*. Однако даже когда он кристаллизовался в основных своих параметрах, работа над реконструкцией священной истории не прекратилась.

Заканчивая очередной очерк, я всё отчётливее понимал, что возрождение агиографии** неизбежно, ибо происходит в стыке науки, искусств и средств коммуникации. Пытаться постичь законы бытия посредством выдумок всё равно что учиться вождению автомобиля на велосипеде.

Образ святого расплывчат, пока к нему не проявлен искренний интерес. События сакральной истории становятся близки **переживающему**, её творцы делаются собеседниками **слушающего**, и это не идёт ни в какое сравнение с эффектами беллетристики или кинематографа. Единожды поселившись в душе, священные персоны превращаются в её внутренний алтарь, делаясь сверхличной частью сознания.

* См. о нём подробнее: «Над историей», § 5.

** Агиография (от греч. *ἀγιος*, «святой» + *γράφω*, «пишу») — литературный жанр, к которому относятся жития святых.

Над историей

Затянувшаяся бесцельность. Холистический подход и телеология. Высший слой ценностей. С точки зрения Предания. Библия рождает Историю. Между Фактом и Мифом. Историчность Писания: без жертв никак. Развитие событий. Продолжение Творения. Святость как компромисс. Жития будущего. Что такое «протоколы»? Структура книги и выбор персон. Боговидение создаёт цивилизации. Интерполяции, реминисценции. Проект «Deisis». Язык книги. Макросуществова.

1. Наличие истории отличает человека от животных, это один из плодов разумности, всего значения которого мы ещё не постигли. Как наука, история гораздо менее развита, чем физика или, например, биология, поскольку подлинная история людей может существовать лишь в неразрывном единстве с историей планеты и всего мироздания. Однако области науки пока недостаточно согласованы между собой, чтобы дерзнуть на составление холистической летописи мира.

Холистический (от греч. ὅλος, «целое») подход предполагает понимание, хотя бы на уровне рабочей гипотезы, отправной точки исторического процесса и его возможных конечных целей (*телеологии*). Ныне телеология изъята из истории, и её возвращение в том виде, в каком конечные цели виделись, скажем, в XVI веке, сразу повлекло бы за собой обвинения в антиисторичности и антинаучности. Кара за упадок нравственности, предостережения последних пророков, Антихрист и Армагеддон, Страшный Суд и Небесный Иерусалим, — внерелигиозному сознанию эти эсхатологические* архетипы только

* Эсхатология (от греч. ἔσχατον, «последний» + λόγος, «слово») — учение о конечных судьбах мира, часть богословия.

отягчают восприятие реальности. Между тем отсутствие целеполагания мировой истории лишает её изучение здравого смысла, мешая придать истории форму классической науки вместо классического искусства, чем она пока объективно является. Даже записные атеисты чувствуют, что у истории должен существовать пункт назначения, логически вытекающий из пункта отправления.

Если в 1950—1960-х, в период начала освоения космоса и атомной энергетики, смысл существования цивилизации ещё кое-как обсуждался, то сегодня, в эпоху глобальной интеграции и мультикультурализма, тема перекочевала в зону художественного творчества и игрового сознания. Теории о цели (целях) истории в какое-то неуловимое мгновение выпали в осадок общественного интереса, хотя никакой альтернативы им выдвинуто не было. Вероятно, главной причиной явилось опасение, что новая телеология приведёт к возрождению богословия, которое в свою очередь перестанет быть изолированной областью знания и снова (как в Средние века) начнёт влиять на всю сферу человеческой деятельности.

Признание того, что у истории есть цель, затягивается. Но если в глобальном масштабе бытие пока определяется нижним слоем *ценностей* (безопасностью, комфортом), то отдельные личности и группы испытывают тягу в служении более высоким идеалам (красоте, истине, любви). Последнее невозможно без представления о целях исторического процесса. Поступки во имя высших ценностей рано или поздно требуют от человека отбросить свою биологическую мотивацию, а это недостижимо без понимания собственной судьбы и смысла существования всех людей.

2. Теперь взглянем на священную историю изнутри религиозного (в нашем случае — христианского) опыта. Если в церковном предании содержатся те или иные сведения, они приобретают тем самым сакральный характер. Один почивший православный старец высказал даже в нашем присутствии следующую мысль: «Мы почитаем Священное Писание, потому что так нас учит Священное Предание». И это действительно православная пози-

ция, в отличие от протестантизма, где существует примат Писания над Преданием. С этой точки зрения может показаться, что приверженность исторической фактографии является угрозой Преданию. Ведь отсутствие в научном арсенале некоторых фактов, существенных для Церкви, служило одно время предлогом для отрицания вероучительных истин.

Но в чём конкретно проявляется Предание по отношению к истории? Без сомнения, в истолковании исторических фактов. Они рассматриваются как подтверждение и раскрытие догматов веры. Можно ли вообще говорить о ряде догматов христианства (например, Боговоплощении, Искуплении) вне истории?

Историческое сознание проявило себя в Пятикнижии Моисеевом (Торе), где впервые последовательно раскрывалась идея *синергии* — взаимодействия человечества (Ха-адам) и Творца. Короткая человеческая жизнь является априорной ценностью в глазах составителей Торы.

Отсюда небывалое до того увеличение масштаба повествования, желание придать событиям логическую последовательность, пророчества, открытость финала как для судьбы индивидуума, так и для народа. Вместо циклов, в которых протекала жизнь богов и героев, библейская история вытягивается в линию. Она имеет известное начало и получит кристально ясное завершение. Это и есть *священная история*, которая отличается от обычной не тем, что вводит новые факты, но тем, что обладает универсальной шкалой для их оценки.

Вряд ли подлежит сомнению, что, начиная с Авраама, Пятикнижие излагает вполне конкретную историю конкретного народа. Но как быть с повествованием Книги Бытия (Берешит) *до* Авраама*, с первичными мифами, претендующими на всемирную значимость? Составители Торы решали задачу написания исторического портрета человечества. При этом источники, коими они располагали, сводились либо к сказаниям о богах, либо к устным преданиям западносемитских племён.

Каждый эпизод доавраамовой истории, отталкиваясь от общеизвестного для своих авторов, а также для сопредельных народов *мифа*, закреплял его за актуальным *фактом*, что прида-

* Этому периоду посвящена часть II книги «Прародители».

вало последнему характер сакрального *события* и наделяло такое событие силой нравственного императива. Выстроив мифы-события хронологически, авторы Берешит получили непротиворечивую *в их сознании* картину, которая веками дополнялась и корректировалась.

Вал географических и естественно-научных открытий, хлынувший с XVI века, каталогизация мифов в XIX—XX раскидали стропила, которые ранее сдерживали интерпретацию священной истории. С тех пор её корабль в свободном плавании. Настаивая на 24 часах, как длительности одного Дня Творения, изъятии ребра из костного состава Адама, не предполагая, что под рекордными возрастными допотопных патриархов может скрываться нечто иное, чем срок жизни единичного человека, мы рискуем утратить одно из главных достоинств Книги Бытия — историчность. Ведь именно она является базисом для всех авраамических религий: иудаизма, христианства и ислама. Моисей, Христос, Мухаммед — прежде всего исторические фигуры. Если они вне истории, то тысячелетние упования их последователей — цепь заблуждений и суеверия.

По отношению к доавраамовой «истории» Берешит мы должны выбирать: либо пожертвовать достоверностью в пользу хронологии изложения, либо буквализмом в пользу объективной историчности. Благочестивые экзегеты XIX века пытались усидеть на стульях библейской хронологии и исторической фактографии одновременно или вовсе избежать ситуации выбора. Результатом стали маргинализация священной истории и теологический модернизм как ошибочный ответ на правильный вопрос.

Последовательность событий — потеря несравнимо меньшая для Предания, чем их конечная достоверность. Ведь охватывая космологию, антропологию, психологию, этику, Берешит рисует целостную картину истории, сопряжённой с остальными областями человеческого бытия. Отказываясь от новой синтетической интерпретации Библии, мы лишаем себя важнейшего элемента в построении холистической картины мира. Чтобы избежать ловушки буквализма, мы рассматриваем начальные события священной истории не как последовательные, а как параллельные. Если в Библии истории Еноха, Ноя и его сыновей жёстко обусловлены, то в нашей книге они более автономны.

Как уже ясно читателю, основу авторского подхода составляет разграничение материальных фактов, имеющих однозначную привязку во времени, и событий, которые, будучи умозрительными представлениями, продолжают развиваться, получая новые смыслы в представлениях людей. Это хорошо видно на примере Потопа или строительства Вавилонской башни (см.: «Селекционер», § 2—3; «Язык Башни»). По сути, такой взгляд на события объединяет позитивный смысл мифа, состоящий в его обращенности к базовым чертам человеческого сознания, с представлением о поступательном движении от Ветхого к Новому, заложенном в христианской эсхатологии.

Все события доавраамовой истории имели место в истории фактической, но их последовательность там иная, чем в Книге Бытия. Вот почему за одним священным событием может стоять сразу несколько фактов, удалённых друг от друга по геологической и археологической шкалам. Тем не менее в длительной исторической перспективе они сливаются в единое событие, поскольку через него становится ясен их конечный смысл.

3. Священная история есть продолжение Творения. Она начинается там, где Творение заканчивается — вместе с созданием человека. Дальнейший мировой процесс протекает уже при его непосредственном участии*. Так или иначе туда включены все люди, но священная история акцентирует своё внимание лишь на тех, кто стали проводниками влияния высших сил. Руководствуясь надличностной мотивацией, *творцы истории* открывают новые виды деятельности, состояния бытия, горизонты сознания.

Значение священных персон на протяжении десятков сотен лет было весьма велико, однако взгляд на них слишком часто привязан к социальным, этническим и гендерным установкам прошлого. Что стоит за лицами священной истории сегодня? Реликты отмирающих форм религиозности или ростки нового бытия, преодолевающего гравитацию и инерцию?

Психологически святость — результат компромисса между автоматизмом нормы и разрушительной для обыденного сознания повышенной реактивностью. Святость — обещание живого

* См.: «Смертный», § 2; «Вечная», § 1.